

УДК 947 (571)

М.В. Дорофеев

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(К ВОПРОСУ ОБ «ОТСТАЛОСТИ» СИСТЕМ ПОЛЕВОДСТВА)**

Русские крестьяне в Сибири использовали системы полеводства, наиболее приемлемые по местным условиям, вопреки распространенному мнению об их «отсталости» по сравнению с существовавшими в Европе.

Ключевые слова: *крестьяне, Сибирь, землепользование*

Наличие за Уралом земельного фонда, пригодного для земледельческой колонизации, требовало серьезного изучения условий ведения сельского хозяйства, которые были здесь крайне разнообразными. Начало этому было положено в 1880-х гг., когда по заданию правительства были проведены исследования крестьянского хозяйства. Исследователи пришли к выводу, что эволюция земледельческих систем находилась в зависимости от эволюции форм землепользования: заимочно-захватному землепользованию первой половины XIX в. соответствовало залежное и переложное земледелие, захватно-вольному землепользованию, господствовавшему во второй половине XIX в., – залежно-паровое хозяйство, общинно-передельному землепользованию – паровое хозяйство. Причем сибирские системы полеводства этими исследованиями признавались отсталыми, по сравнению с существовавшей в Европе трехпольной системой [1. Вып. 1–22].

В административных документах и литературе того времени негативная оценка способов ведения сельского хозяйства крестьянами была реакцией на существовавшие в сибирской деревне экстенсивные системы земледелия, с одной стороны, и поверхностного общего взгляда на данную проблему – с другой. Свою лепту в утверждение «отсталости» специфических форм полеводства внесли и писатели-народники, которые, отбывая ссылку, отходят от революционной деятельности и посвящают себя науке, например П.А. Голубев, С.П. Швецов. Но Сибирь разочаровала народников, которые надеялись найти здесь, в условиях отсутствия крепостного права, воплощение своей утопической теории об общинном начале, социальную гармонию в деревне. Они, оказавшись в далеком краю, описывали сибирское крестьянство в соответствии с канонами народничества [2. С. 90]. Однако, столкнувшись с процессом имущественной дифференциации сельского мира, развалом общины, писатели-народники в ряде случаев намеренно сгущали краски при описании внутренней жизни Сибири, что было их реакцией на попытки дворянско-монархической публицистики представить Сибирь как преуспевающий и благоденствующий край [3. С. 29, 30, 32]. Главной целью народников была полная дискредитация режима [4. С. 14, 15]. Некоторые из них в описании сибирской действительности, как, например, И.Г. Прыжов, проявляли крайнюю тенденциозность, стремясь представить сибиряков как дикарей, с пол-

ным отсутствием элементов культуры, характеризовали их как тупых и озлобленных, находящихся в периоде своего вырождения [5. С. 291, 322].

Среди исследователей не существовало единой точки зрения, одни считали переложную систему отрицательным явлением, другие – что ее нельзя рассматривать как пережиточное явление, оставшееся в наследство от более ранних эпох. А.С. Ермолов [6. С. 32], В.В. Докучаев [7. С. 380] и некоторые другие агрохимики и почвоведы считали использование переложной системы земледелия вполне оправданным для отдельных районов России в XIX – начале XX в. [8. С. 14, 15]. Традиционно сельское хозяйство в Сибири и современной историографией характеризовалось как отсталое и хищническое ввиду преобладания экстенсивных режимов земледелия [9. С. 187], но, как справедливо отмечала М.М. Громыко, «...было бы странно ожидать от крестьян интенсификации в обработке отдельных пашенных участков при наличии свободных пахотных земель и недостатке рабочих рук» [10. С. 153]. В условиях земельного простора, на начальном этапе освоения Сибири, задача сохранения плодородия почвы решалась гораздо более экономным способом обработки почвы – распашкой новых плодородных земель и забрасыванием старых пахотных участков [11. С. 66]. Агрономы-почвоведы и историки-аграрники довольно единодушно объясняли причину замены залежно-переложной системы более совершенными системами увеличением населения и растущим малоземельем [12. С. 17].

С начала основания русского земледелия особенное развитие получила система заимочных поселений. Образование заимок было обусловлено как земельным простором, так и совокупностью земельных обычаев сибирской общины. Чем больше росло население, тем больший район захватывался в сферу крестьянского землепользования, при этом небогатые двory старались захватить земли поближе к усадьбам, несмотря на то, что эти земли были хуже по почвенным условиям и более истощены. Зажиточные хозяева могли себе позволить лучшие земли в более отдаленных от селения урочищах и чтобы не тратить время на переезд, на заимке строили временное жильё. Созданию заимок предшествовало занятие участка и апробирование хозяйственных возможностей угодий. Определив удобные участки, крестьяне имели возможность оценить плодородие почвы и особенности микроклимата, произвести пробные посевы. Лучшая земля называлась «горовой», «островной», «увальной», «высокой» потому, что на вершинах «грив, увалов» располагался чернозем. В межгривенных пространствах находилась земля среднего качества: «подостровная», «подувальная», «подгорная», а худшие земли назывались «низменными», «последними», «колочными», «неудобными» [13. С. 44].

Земледелие начинается с пахоты, и в сибирских условиях крестьянам пришлось выработать свои агротехнические приемы обработки целинных и залежных земель. При этом сложилась устойчивая традиция – на новых землях сеять только на следующую весну. Посевы по целику, поднятому весной, не давали желаемых результатов. При ручном сельхозинвентаре крестьянин был не в состоянии одновременно вести сев на разработанных землях и поднимать целину, поэтому когда руки доходили до целины, то время было уже

упущено. Начиналась жара, процессы нитрификации в почве прекращались, почва становилась «мертвой» и поэтому пашни к посеву готовили заблаговременно. Обычно после пахоты землю оставляли «киснуть» все лето в пластах и более не перепахивали, а только боронили по мере надобности. Повторно вспашку весной делали только, если пашня зарастала сорняками. Состоятельные крестьяне могли себе позволить не сеять и на второй год, за это время корневища успевали хорошо перегнить, вековой дерн под механическим воздействием плуга и бороны разрушался. При подъеме целинных сибирских почв оборот поднимаемого пласта был необходим, особенно важно было уложить верхний растительный слой вниз борозды, чтобы создать условия для быстрого разложения дернины [14. С. 99, 100].

Пахать глубоко целинные и залежные земли крестьяне считали делом не только трудным, но и бесполезным и невыгодным. Бесполезным потому, что хлеб хорошо родился и на мелко вспаханной новине, а невыгодным в связи с тем, что глубокая вспашка ускоряла истощение земли. Этим требованиям обработки почвы отвечала сибирская соха – «колесуха», которая представляла собой соху с одним железным лемехом, похожим на лапу якоря, левое крыло лемеха было загнуто прямо вверх и к нему приделывалось прямая доска, которая отваливала пласт земли вправо, как это делал отвал на плуге [15. С. 257]. Она намного лучше переворачивала землю, чем крошила, в отличие от русской сохи, у которой полица не столько отваливала пласт, сколько его крошила и перемешивала. Переселенцы пробовали пахать российскими сохами – «рогалохами», но из этого ничего не вышло. Сибирская соха-«колесуха» была умело приспособлена крестьянами к тому, чтобы успешно бороться с сорняками, плуги только подрезали корни сорных трав, которые, оставаясь в земле, вновь вырастали. С помощью «колесухи» корни полностью вытягивались из земли и в этом случае борьба с сорняками была более эффективной [16. С. 60]. Приемы и способы обработки земли, выработанные многолетней практикой народной агрономии, исходили из местных условий. На их основе решались главные проблемы земледелия в Сибири – сохранение влаги в почве и уничтожение сорняков.

То, что было **очевидным для сибирских крестьян, не находило понимания среди ученых** того времени. В научных кругах страны ученые только приходили к пониманию процессов, происходивших в почвах, и в связи с этим возможных форм обработки пашни, сибирские крестьяне-старожилы опытным путем определили лучшие способы ведения земледелия.

В конце XIX в., когда рождалась русская агрономическая школа и утверждалась наука о почвах, передовые умы России были в поисках пути избавления от недородов, приводящих к народному бедствию. Например, полтавский землевладелец В.А. Кудашев предложил в своей работе «О способах сбережения почвенной влаги при обработке озимого поля» (1892 г.) мелкую вспашку отвальным плугом, что давало стабильные урожаи, но на заседании Полтавского сельскохозяйственного общества его «разделали в пух и прах». Ученый И.Е. Овсинский пошел дальше В.А. Кудашева, он разработал культиватор собственной конструкции и применил на практике приемы безотвальной обработки почвы – принципиально новой системы земледелия. Его

труд «Новая система земледелия» (1899 г.) агрономическими авторитетами был «приговорен к смерти». Среди ученых еще не сформировался общепринятый взгляд на почву как на вполне самостоятельное естественно-историческое тело, которое являлось продуктом совокупной деятельности грунта, климата, растительных и животных организмов, своего возраста, а отчасти и рельефа местности. Поэтому, основоположнику почвоведения Василию Васильевичу Докучаеву на сессии Сельскохозяйственного совета при Министерстве земледелия 18 января 1895 г. приходилось страстно доказывать: «Почва и климат суть основные и важнейшие факторы земледелия, первые и неизбежные условия урожая» [17. С. 121, 127]. Надо отметить, что не все ученые того времени разделяли взгляды В.В. Докучаева, которому приходилось, вначале на заседаниях Вольного экономического общества, а потом и в статьях, излагать основные положения новой, им же созданной в жестокой борьбе с оппонентами, науки – генетического почвоведения.

Важнейшую роль в этом должна была сыграть агрономия, но первые агрономы Сибири Н.Л. Скалозубов в Тобольской и И.К. Окулич в Томской губерниях начали свою деятельность (1894 г.) на пустом месте. Н.Л. Скалозубов прекрасный специалист и энтузиаст своего дела к своей работе пытался привлечь широкие круги местного крестьянства, так как выработку правильных основ ведения сельского хозяйства Николай Лукич не представлял без обобщения и научной разработки местного опыта, благо, такой имелся [18. С. 63]. Например, проявляли инициативу некоторые разбогатевшие крестьяне, в 1890-х гг. купец Н. Чукмалдин, выходец из д. Кулаково Тюменского округа, создал в ней опытную сельскохозяйственную школу с фермой [19. С. 79–80].

С началом земледельческой колонизации Сибири власти старались насадить здесь практикуемое в центре России трехполье с удобрением полей. Трехпольная система земледелия, дожившая до века двадцатого, господствовала в странах Европы со времен Средневековья, была раскритикована еще первым русским агрономом Андреем Тимофеевичем Болотовым. Он, исследуя разные способы заделки семян, разработает учение о системах земледелия и напишет трактат «О разделении полей» (1771 г.). Это ему принадлежат крылатые слова: «Нет плохой земли, а есть плохие хозяева». Против трехпольной системы земледелия выступит и первый в России доктор земледелия – Александр Васильевич Советов. Он продолжит начатое А.Т. Болотовым, напишет капитальный труд «О системах земледелия», в котором впервые в мировой науке обобщит многовековую историю земледелия и наметит пути дальнейшего его развития. Именно труды и лекции А.В. Советова определяют судьбу многих слушателей, в том числе и В.В. Докучаева и А.С. Ермолова. Во второй половине XIX в. становилось ясным то, что давно было пора оставить «почти рабское следование немецким указкам и учебникам, составленными для иной природы, для иных людей и для иного общественного экономического строя» [20. С. 153, 166].

Залежная система земледелия, при которой вновь возделанный участок засеивался несколько лет подряд, вначале культурами, требовательными к плодородию почвы, – пшеницей, следом культурами, менее требовательными, –

рожью, овсом, а потом забрасывался в залежь, просуществовала в районах, где еще имелись свободные земли, вплоть до начала XX в. На больших земельных пространствах крестьяне практиковали залежно-переложное земледелие как более оптимальное и менее трудоемкое в отличие от интенсивного трехполья. Трехпольная система не закрепились в Сибири, так как требовала от земледельца большого труда. В условиях Сибири с ее относительным многоземельем залежно-переложная система трансформировалась в особую систему, которую А. А. Кауфман назвал «залежно-паровой» [21. С. 34]. Сущность ее заключалась в том, что на пашне производилось несколько посевов, однако не «хлеб на хлеб», как при перелог, а попеременно с паром. Земледелие при этой системе основывалось исключительно на эксплуатации естественных производительных сил земли. Пашня не удобрялась, на распаханной целине 2–3 года подряд засевают хлеб, затем на год оставляют под пар, потом 1–2 года посевы менее требовательных культур (ячмень, овес). Такое чередование продолжается до тех пор, пока сильное падение урожайности и зарастание сорняками не заставляют крестьянина бросить землю в залежь. Земля несколько лет оставалась в залежи (пока на ней вместо сорных трав не появлялись пырей, морковник, клубника и костяника – верные признаки того, что земля отдохнула). Затем земля вновь распахивалась и засеивалась хлебом. Во второй половине XIX в. залежно-паровая система являлась уже господствующей в Сибири, однако даже к началу XX в. перелог полностью не вытеснила.

Система полеводства в Сибири представляла собой разнообразные видоизменения не только в пространстве, но и во времени. По мере роста населения и сокращения земельного простора постепенно уменьшались сроки отдыха земли в залежи и увеличивалась продолжительность периода обработки. Сибирское хозяйство отличалось полной свободой, не только каждая волесть или община, каждый хозяин самостоятельно устанавливал севооборот для каждого состоящего в его пользовании клочка земли, применяясь к его почве и местоположению, к климату, условиям сбыта, к собственной хозяйственной самостоятельности [22. С. 16].

Залежная система, успешно функционировавшая при земельном просторе, не равнозначна трехпольной системе земледелия, появившейся в средневековой Европе. При сопоставлении сибирских систем земледелия с европейскими мы сталкиваемся с тем, что **сравнивается несравнимое**. На протяжении многих лет исследователи определяли «прогрессивность» систем по отношению друг к другу, совершенно упуская из виду огромную разницу в природно-климатических условиях Сибири и Европы. По нашему мнению, залежную систему земледелия корректно сравнивать с существовавшей в Сибири, до прихода русских, системой мотыжного земледелия. Пашенное земледелие, безусловно, более прогрессивно, чем мотыжное. Объем статьи не позволяет детально рассмотреть все плюсы и минусы систем земледелия, но дает возможность поставить вопрос об их функциональной целесообразности. Поэтому мы не можем согласиться с мнением об «отсталости» систем полеводства, существовавших во второй половине XIX в. на территории Западной Сибири.

Литература

1. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888–1898. Вып. 1–22.
2. *Петропавловский Н.* По Ишиму и Тоболу (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири). Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ЗСОИРГО). Кн. VIII. Вып. I. Омск, 1886.
3. *Шиловский М.В.* Ссылные писатели-народники 80-х гг. XIX в. о Сибири // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1994.
4. *Козлова Е.М.* Социальная история Алтая кабинетского периода в народнической историографии: Автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2005.
5. *Прыжов И.Г.* (Благовещенский) Записки о Сибири // Вестник Европы. 1882. № 9.
6. *Левинсон М.Л.* Государственный совет. Пг., 1915.
7. *Докучаев В.В.* По вопросу о сибирском черноземе: Доклад сельскохозяйственному отделению Вольного экономического общества 11 марта 1882 г. // Сочинения. М., 1950. Т. 2.
8. *Ратушняк В.Н.* О некоторых спорных вопросах современной теории и исторической практики систем земледелия // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985.
9. *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975.
10. *Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян в Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1965.
11. *Сухотина Л.Г.* Формы землепользования, земледельческие системы и орудия труда в сибирской деревне второй половины XIX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3.
12. *Транквилицкая И.В.* Развитие системы земледелия в Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006.
13. *Крестьянское* землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях. СПб., 1894.
14. *Пронин В.И.* Влияние трудовых традиций крестьян на развитие земледелия в Сибири в конце XIX – начале XX в. // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. (трудовые традиции крестьянства). Новосибирск, 1985.
15. *Кирьяков В.В.* Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902.
16. *Тихонов А.С.* Очерки истории техники и ремесел в Сибири. Ишим, 1994.
17. *Филоненко И.* Особая экспедиция // Октябрь. 1988. № 10.
18. *Пигнатти В.Н.* Памяти Н.Л. Скалозубова // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1916. Вып. XXVII.
19. *Ноздрин Г.А.* Формирование гражданского общества в сибирской деревне во второй половине XIX в. // Вопросы истории Сибири XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. Вып. 4.
20. *Филоненко И.* Особая экспедиция // Октябрь, 1988. № 9.
21. *Кауфман А.А.* Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск, 1894.
22. *Кауфман А.А.* Община и успехи сельского хозяйства в Сибири. СПб., 1894.